

© 2000 г.

Н.В. ВЕСЕЛКОВА

ОБ ЭТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна - кандидат социологических наук, социолог-методист Центра социологического образования Института социологии РАН.

Развитие социальной науки, широкое распространение ее методов¹ заставляет и ученых, и общественность снова и снова задумываться над этикой исследования. Особенную остроту этическая проблематика приобретает в связи с ростом популярности так называемых качественных методов. Именно они часто оказываются наиболее эффективными для изучения сензитивных тем, глубоко затрагивающих личные стороны жизни исследуемого (сексуальное поведение, вероисповедание, здоровье и т.д.) и

потому делают его более чувствительным к исследовательскому вмешательству. При изучении подобных сфер наиболее ярко проявляется этическая спорность многих методических решений.

Социальные науки за рубежом накопили значительный опыт в изучении данной проблемы². Есть целый ряд отдельных изданий как по этике социального исследования [напр., 1, 2], так и по исследованию сензитивных тем [3, 4], многие учебники по методам содержат соответствующие главы. Специализированные журналы посвящают этике целые тематические выпуски, а для статей, описывающих результаты конкретных исследований, считается едва ли не обязательным условием рассмотрение этических аспектов отдельным пунктом. В отечественной научной периодике в качестве примера соответствия подобной логике можно привести, пожалуй, только одну работу, написанную Х. Пилкингтон и Е. Омельченко - об опыте изучения проблем вынужденных переселенцев [5].

Обсуждение этики исследования в отечественной традиции ограничивалось принятым в 1987 г. "Профессиональным кодексом социолога" (опубликован с сопроводительной статьей в журнале "Социологические исследования" и присутствует в качестве приложения во всех учебниках В.А. Ядова) и краткими упоминаниями при изложении в учебных пособиях методики включенного наблюдения. И только в последнее время внимание к данной тематике начинает расти. В его фокус попадают такие методические вопросы, как особые требования анонимности респондентов [6, 7] и техники сензитивного исследования (см. И.Ф. Девятко [8], где впервые появился параграф «"Сензитивные" вопросы»). Но даже в этих работах этическая проблематика присутствует скорее косвенно³. Сама же природа этики социального исследования, типы проблем, варианты решения - эти вопросы до сих пор испытывают дефицит внимания и заинтересованного предметного обсуждения со стороны российских ученых.

В основе этических проблем и дискуссий по их поводу лежит *фундаментальная дилемма между необходимостью свободного проведения исследования, публикации результатов и необходимостью соблюдения прав и интересов участников исследования.*

Любое социальное исследование при сборе информации *использует в своих целях* ее носителей - респондентов, информантов, экспертов, наблюдаемых, нарушая тем самым одно из главных этических требований - видеть в человеке цель, а не средство. Поэтому каждое такое исследование изначально содержит элемент неэтичности. Не всегда, но довольно часто люди ощущают это, спрашивая: "А зачем это нужно? Наверно, чтобы кто-то диссертацию написал?"

Риск морального ущерба существует не только для исследуемых, но и для исследователя, и для того, кто непосредственно работает в поле. По окончании серии биографических интервью интервьюер подчас испытывает моральный дискомфорт, будучи вынужденным превратиться из почти родного человека в отстраненного представителя науки. Г. Розенталь рассказывала, как тяжело ей давались интервью с нацистскими преступниками, выполняемые по методике Ф. Шютце⁴. А что должен чувствовать исследователь, проводящий скрытое наблюдение по поводу какой-либо социально неодобряемой деятельности (например, распространенности коррупции среди чиновников, незаконных методов воздействия милиции и т.п.)?

Но и при открытом наблюдении многие исследовательские ситуации чреватые не только неловкостью и угрызениями совести, но и потенциально опасны для здоровья и жизни исследователя. В. Борисов проанализировал свой опыт исследования шахтерского забастовочного движения. Четко сформулированная горняками дилемма: "Или ты сидишь с нами и пьешь как все, или забирай свой микрофон..." — разрешалась им в пользу науки, но в результате появилась мысль о циррозе печени как профессиональной болезни социолога [см.: 9, с. 205]. У того же автора находим убийственно убедительный довод в пользу открытого, а не скрытого, наблюдения: "При обнаружении Ваших завуалированных попыток изучения взаимоотношений окружающих Вас людей, они не будут вдаваться в тонкости отличий между начинающим социологом и законченным сексотом. В лучшем случае Вам начистят физиономию" [9, с. 199].

В литературе уже описан подобный случай с одной неопытной студенткой, пытавшейся собрать негативную информацию о полиции [2]. Студентка на три недели поселилась в доме, где жили полицейские, завоевала их симпатии и уверяла, что искомые данные ей нужны исключительно для хорошей учебной оценки. На самом же деле ее отчет был использован начальством для идентификации "девиантов". Дело происходило в Голландии в 1981 г., поэтому физиономию девушке не начистили, но вызвали на встречу с ее научным руководителем и полицией; в результате от нее отвернулись и коллеги, и друзья-полицейские.

В чем была ошибка незадачливой студентки? Вероятно, ей не стоило обманывать информантов, обещая, что информация не пойдет дальше ее "контрольной". Но тогда она не получила бы доступа к закрытой и ценной с точки зрения исследования информации. (Проблема доступа к данным - один из наиболее коварных рифов, о который разбилось не одно благое намерение соблюдать этические нормы в исследовании [см., напр., 10]). А может быть, незитично поступил ее научный руководитель, который не захотел ссориться с полицейским управлением - ведь отчет не содержал клеветы, полученные данные могли быть признаны ценными и с точки зрения реорганизации полицейской службы? Эта история неизменно впечатляет слушателей во время лекций, однако не приводит к однозначному заключению об этической неприемлемости скрытых методов. Данный вопрос остается дискуссионным и в литературе, и в исследовательской практике.

Дебаты об этике в социальных науках ведутся с двух позиций - этического абсолютизма и этического релятивизма⁵.

Этический абсолютизм настаивает на наличии неких единых незыблемых норм, нарушение которых должно преследоваться, а нарушитель - подвергаться профессиональной дисквалификации. Именно на этом принципе базируются кодексы профессиональной этики в социальных науках, декларирующие защиту исследуемых, поэтому такие этические концепции называют также *деонтологическими*.

Известен парадоксальный пример следования профессиональной этике [10]. Студент-социолог, подрабатывая официантом, вел полевые заметки. В ресторане случился пожар, и для исключения версии об умышленном поджоге его заметки могли бы очень пригодиться. Однако добросовестный студент отказал властям в информации, т.к. раньше обещал сохранить анонимность своих информантов. Страховая компания не выплатила страховку, владельцы не смогли восстановить здание, и в итоге эти же информанты и пострадали, оставшись без работы, в чем сильно пеняли социологу.

Стандарт отношений между исследователем и исследуемым, принятый на Западе, - принцип *информированного согласия*. Этот принцип, в общем виде, требует, чтобы субъект был информирован о том, что исследование имеет место, а также был осведомлен о его цели и о том, что означает участие в нем [11]. Есть и более расширенное толкование информированного согласия, которое подразумевает уважительное и открытое общение с участниками и членами сообщества в течение всей работы над проектом, уважение к автономии и стилю жизни, а также предоставление полезной информации о самом исследовании, сведений о ее местонахождении, значении и возможном распространении. Последняя трактовка принадлежит Джоан Зибер [12], которая выступает за полную открытость, правдивость и категорически против любого обмана и утаивания (правда, она говорит о сензитивном нелабораторном исследовании).

Пожалуй, такую позицию можно считать наиболее последовательным воплощением этического абсолютизма⁶. "Рецепт" обеспечения этичности исследования Дж. Зибер таков: "Наилучшая стратегия для защиты сензитивности участников исследования и членов сообщества, а также для того, чтобы избежать нападок лидеров мнений, - планировать этичное и культурно сензитивное исследование, интерпретировать данные тактично и взвешенно, с учетом интересов участников исследования, посредников⁷ и общества" [12, р. 17]. Иными словами, вопросы этики должны стоять во главе угла с самого начала работы, и в этих вопросах должна быть достигнута определенность (как

можно более точная оценка потенциала элементов риска на всех этапах, уязвимости каждого прямо или косвенно причастного лица или института, представление о типах возможных этических проблем и т.п.).

Другое, быть может, более трезвое понимание информированного согласия демонстрирует Р. Хоуман, указывая на трудности практической реализации стандарта [11]. Помимо того, что буквальное следование данному принципу оставляет за бортом все скрытые виды и элементы исследования, ученый при всем желании не может предвидеть все последствия, как не может и полностью сообщить цель исследования, поскольку упрощенная версия недостаточно информативна и детальный перевод с концептуального языка займет слишком много времени; некоторые задачи и возможности проекта могут измениться или возникнуть по ходу работы. Практическая работа в поле всегда содержит элементы и открытого, и скрытого исследования, соотношение которых может меняться в зависимости от обстоятельств - соответственно будет меняться и степень информированности согласия.

Такой подход достаточно распространен и имеет следствием признание принципиальной неизбежности этических погрешностей (или грехов?), часть которых сознательно планируется (как, например, утаивание информации на входе в скрытом наблюдении), часть может возникнуть "внепланово". Поэтому исследовательская этика не может быть раз и навсегда решенным вопросом. "Рецепт" этой позиции состоит в том, чтобы *как можно более детально сформулировать моральные предписания в части процедуры* [11, р. 331].

Примером таких детальных предписаний могут служить этические принципы, сформулированные как *стандартные процедуры* Ф. Фоулером [13, р. 135-138] для опросного исследования. Эти процедуры регулируют информирование и защиту респондентов, выгоды для респондентов, а также этическую ответственность интервьюеров. Вот как выглядят предписания по двум первым пунктам.

Информирование респондента: 1). Название организации, имя интервьюера; 2). Финансирующая организация; 3). Краткое, но точное изложение целей; 4). Точное указание степени конфиденциальности ответов; 5). Гарантирование добровольности сотрудничества и отсутствия негативных последствий в случае отказа; 6). Гарантирование возможности пропустить любой вопрос, если респондент не хочет на него отвечать.

Защита респондентов: 1). Все лица, имеющие доступ к данным или занятые в сборе данных, должны дать расписку в сохранении конфиденциальности; 2). Минимизировать привязку ответов к идентификаторам (в т.ч. фамилии, адреса респондентов). Если фамилии и адреса совершенно необходимы, они должны храниться отдельно от опросников с ответами; 3). Заполненные бланки интервью должны быть недоступны для лиц, не участвующих в проекте; 4). Идентификаторы должны быть изъяты как можно быстрее после заполнения опросника (если не участвующие в проекте намерены ознакомиться с заполненным опросником, идентификаторы должны быть уже изъяты); 5). Лицам, могущим идентифицировать респондентов по профилю ответов, нельзя позволить видеть ответы в опроснике; 6). Файлы данных по каждому респонденту обычно снабжают идентификационным кодовым номером, а доступ к связи этого номера с адресом в выборке или идентификаторами должен быть строго ограничен. 7). При анализе данных исследователь должен быть осторожен в представлении данных о небольших группах людей, чтобы они не могли быть идентифицированы; 8). По окончании всего исследования либо этапа работы с опросниками исследователь несет ответственность за уничтожение заполненного инструментария или его безопасное хранение.

Но даже такие детальные предписания не гарантируют этическую безупречность исследования постольку, поскольку сохраняется вероятность непредвиденных ситуаций - даже в жестко формализованном опросном исследовании.

Таким образом, "решение" этических проблем упирается в невозможность безусловной предсказуемости ситуации исследования, что ведет к этическому релятивизму.

Этический релятивизм основан на признании того, что оценка этичности действий исследователя зависит от конкретных обстоятельств. Самое яркое выражение эта идея нашла в так называемой конфликтной методологии Джека Дугласа [см. 14, 15 и др.]⁸. Эта методология основана на конфликтной (в противовес кооперативной) парадигме общества, согласно которой в нашей жизни постоянно присутствует неверная, искаженная информация, отговорки, уклончивые ответы, ложь; любое социальное взаимодействие, включая самое дружественное, всегда содержит потенциальные или актуальные конфликты. Не являются исключением и отношения исследователя с исследуемым, поэтому нужно действовать сообразно ситуации.

"Именно потому, что социальные акторы прибегают ко лжи, мошенничеству, различным уловкам, хитростям и шантажу⁹, - социальный ученый оправдан в использовании тех же средств, когда это необходимо для достижения высоко объективной научной истины" [цит. по: 2, р. 38-39]. На эти слова Дж. Дугласа часто ссылаются при обосновании профессиональной этики и оценки обмана, рассматривая их как своего рода экстремум, но мало кто рискует приблизиться к подобному радикализму. Так, Морис Пунш заявляет: «Моя позиция состоит в отрицании "конфликтной методологии" как в общем неприемлемой модели для социальной науки. В то же время я склонен принять некоторую контролируемую меру обмана в полевых отношениях, обеспечивающую защиту интересов субъекта - и обеспечивающую, прежде всего, производство хорошего исследования!» [2, р. 43].

Этическую концепцию, основанную на релятивизме, называют также *телеологической*. Обычно жестко осуждаемое с нравственной точки зрения взвешивание цели и средств (цель оправдывает средства?) совершенно естественно для расчета экономической эффективности (насколько окупаются затраты?). Затраты и выгоды, вред и польза - именно в таких категориях обсуждается этическая ситуация социального исследования. Например, в упоминавшейся книге Р. Боуэра и П. де Гаспарис "Этика в социальном исследовании" [1] есть раздел, который так и называется: "Взвешивание рисков и выгод". Эту же операцию выполняет Г. МакКракен, анализируя межролевые взаимоотношения интервьюера и респондента в качественном интервью [16, р. 27], а авторы известной книги о методике и практике интервьюирования Дж. Конверс и Х. Шуман насчитывают как минимум четыре резона, по которым люди *хотят* быть интервьюируемыми [17, р. 55-59]. Когда калькуляция пользы и вреда имеет положительное сальдо, проекту дается зеленый свет или индульгенция на прощение грехов. Из этого, однако, не следует, что высокая значимость исследования в принципе снимает с повестки дня проблему возможного вреда. Путь к решению проблемы - в признании того, что любое социальное взаимодействие содержит некоторый потенциал риска, и детальном изучении специфики исследовательского риска (обычно выделяют: принуждение, обман, вторжение в частную жизнь, нарушение конфиденциальности, стресс, коллективный риск).

XX век не раз показывал, что знание - это сила, которая может быть опасной и разрушительной, когда пытается освободиться от нравственных координат. В целом это относится и к области социального знания. Социальная наука должна постоянно держать в поле зрения многообразные этические вопросы. Среди них те, которые мы попытались здесь поставить и на которые не раз придется искать ответы: как обеспечить этичность исследования? Как различаются исследовательская этика и общечеловеческая? Какова мера сопоставимости цели и средств?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет преимущественно о социологии, однако в силу базовой общности методов различных социальных наук, равно как и этических проблем их использования, целесообразно не сужать границы обсуждения рамками какой-то одной дисциплины (при том, что и сами междисциплинарные границы весьма расплывчаты и подвижны).

- ² Разумеется, подобные исследования проводились и у нас. Так, сексуальное поведение давно находится в фокусе внимания таких признанных специалистов как И.С. Кон, СИ. Голод и др. В то же время методическая специфика исследования таких тем и особенно сопряженные с этим этические аспекты, как правило, оставались за рамками пристального рассмотрения в отечественной литературе.
- ³ Задача ставится так: нужно продумать особый подход к обеспечению анонимности для того, чтобы, скажем, получить хорошие данные о наркомании как форме девиантного поведения, а не для того, чтобы уверенно ориентироваться в сложных ситуациях и не нанести ущерба информантам.
- ⁴ Устное сообщение на международной летней социологической школе 30 июня - 12 июля 1999 г.
- ⁵ Данные позиции раскрываются ниже со ссылками на работы двух последних десятилетий, но можно обратиться и к более ранним источникам.. Так, Анне Фенлазон отводит в своей книге по интервьюированию в социальной работе (1952) отдельный параграф теме "Установки и этика", в котором, в частности, рассматривает этический абсолютизм и релятивизм [18].
- ⁶ Классической работой в этом плане считается эссе К. Эриксона [19], который выступал решительно против скрытого наблюдения, доказывая его неэтичность.
- ⁷ Посредники, более точно - "стражники" (gatekeepers) - влиятельные фигуры, контролирующие "входы" в закрытую для исследователя среду [см. 8, с. 28].
- ⁸ Собственно, этический абсолютизм или релятивизм применительно к практике полевого исследования выражается в принципиальном *отрицании либо принятии скрытого наблюдения*. Некоторые авторы в этой связи говорят о размежевании по данному критерию подхода Чикагской школы и символического интеракционизма (недопустимость обманчивой, замаскированной, скрытой роли полевого работника, согласно К. Эриксону) - и экзистенциального, интерпретативного, феноменологического подхода (неизбежность и оправданность использования обманных средств скрытой роли, согласно Дж. Дугласу) [см. 9].
- ⁹ Речь идет не столько о вымогательстве крупных сумм угрозой публикации компромата, сколько об использовании речевых оборотов, подобных следующим: "Если ты не придешь, я обижусь", или жестче: "Пока не съешь суп, не получишь конфету". - *Прим. авт.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bower R.T., de Gasparis P. Ethics in Social Research: Protecting the Interests of Human Subjects. New York, London, Sydney, Toronto: Praeger Publishers (Praeger Special Studies), 1978.
2. Punch M. The Politics and Ethics of Fieldwork. Beverly Hills: Sage, 1986.
3. Lee R.M. Doing Research on Sensitive Topics. London, Newbury Park: Sage, 1993.
4. Researching Sensitive Topics / Ed. by Lee R.M., Renzetti CM. Newbury park: Sage, 1993.
5. Пилкингтон Х., Омельченко Е. "Зачем мне врать?" Опыт применения интервью к изучению русскоязычной миграции // Рубеж. 1997. № 10-11. С. 10-11.
6. Мягков А.Ю. Обеспечение анонимности в социологическом опросе (Аналитический обзор зарубежных исследований) // Социол. исслед. 1999. № 5. С. 107-114.
7. Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Т.В., Чекинева Т.В. Опыт применения биографического метода в исследовании проблем наркомании // Наркомания как форма девиантного поведения / Под общ. ред. М.Е. Поздняковой. М.: ИС РАН, 1997.
8. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: Учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998.
9. Борисов В. Социология для самых маленьких // Рубеж. 1996. № 8-9. С. 197-221.
10. Goode E. The Ethics of Deception in Social Research: A Case Study // Qualitative Sociology. 1996. Vol. 19. № 1. P. 11-33.
11. Homan R. The Ethics of Open Methods // The British Journal of Sociology. 1992. Vol. 43. № 3. P. 321-332.
12. Sieber J.E. The Ethics and Politics of Sensitive Research // Researching Sensitive Topics. Newbury Park: Sage, 1993. P. 14-26.
13. Fowler F.J. Survey Research Methods. Beverly Hills: Sage, 1986.
14. Douglas J.D. Investigative Social Research: Individual and Team Field Research. Beverly Hills: Sage, 1976.
15. Douglas J.D. Creative Interviewing. Newbury Park: Sage, 1985.
16. McCracken G. The Long Interview. Newbury Park: Sage. 1988.
17. Converse J.M., Schuman H. Conversations at Random. Survey Research as Interviewers See It. New York: John Wiley & Sons, 1973.
18. Fenlason A.F. Essentials in Interviewing: For the Interviewer Offering Professional Services. New York: Harper & Brothers Publishers, 1952.
19. Erikson K. A Comment on Disguised Observation in Sociology // Social Problems. 1967. N° 14. P. 366-373.